

Милана
ЛОТОС

После
РАЗВОДА

Я (не) хочу БЫТЬ ТВОЕЙ ЖЕНОЙ

Милана Лотос

**После развода. Я (не)
хочу быть твоей женой**

«Литнет»

2025

Лотос М.

После развода. Я (не) хочу быть твоей женой / М. Лотос —
«Литнет», 2025

Я толкнула приоткрытую, дверь из-за которой доносились приглушённые стоны. У массивного стола, спиной к двери, стоял мой муж. Перед ним, опершись о столешницу и выгнув спину, была его помощница. Он обернулся. В его глазах не было ни раскаяния, ни паники – лишь холод и раздражение. – В-Валерия?! Закрой дверь, – бросил он, не отрывая рук от неё. – Мы почти закончили. В один миг моя счастливая жизнь рухнула в пропасть. Я ехала к мужу с радостной новостью – мы ждем ребенка. Но, войдя в офис, увидела его с другой женщиной. Ничего не сказав, я собрала вещи, уехала в другой город и подала на развод. – Прощай, Барсов. Мы для тебя умерли. ♥#как всегда очень эмоционально ♥#сильная духом героиня, которая преодолет многое ♥#все не так как кажется, на первый взгляд ♥#ХЭ для тех, кто вел себя хорошо в этом году Книга участвует в литмобе «Между прошлым и будущим» - 18+

© Лотос М., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

1.	5
2.	7
Визуализация ♥#	9
3.	10
4.	12
5.	14
6.	17
7.	20
8.	23
9.	25
10.	27
11.	29
12.	31
13.	33
14.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

1.

– Ура, ура, ура, – шептала я себе под нос, сжимая в ладонках бумажку с результатом анализа. Цифры плясали перед глазами: 3000 мЕд/мл. Три тысячи единиц ХГЧ! Врач-гинеколог, женщина с мягкими руками и мудрыми глазами, улыбнулась мне тогда так, словно дарила ключ от рая.

– Это прекрасный, сильный результат, Валерия. Поздравляю. Вы беременны.

Я – беременна.

Эти два слова громом отозвались в тишине кабинета и заструились по венам жидким, ослепительным счастьем.

Казалось, я не шла по шумному проспекту, а парила в сантиметре от асфальта. Каблуки не стучали, а лишь легко касались земли, будто у меня и впрямь выросли крылья – огромные, невидимые, сотканые из чистого восторга.

Воздух стал другим: вкусным, игривым, звонким.

Даже в хмурый ноябрьский день мир заиграл яркими красками. То, что раньше казалось лишь грязью на обочине, теперь переливалось росинками на увядшей траве.

– Проходите, пожалуйста, – мужчина в дорогом пальто галантно распахнул передо мной тяжелую дверь бизнес-центра. Я кивнула, не в силах стереть с лица дурацкую, до ушей, улыбку. Он проводил меня заинтересованным взглядом, но мне было все равно. Пусть смотрят. Пусть весь мир знает, что я, Валерия, счастлива до головокружения. Потому что скоро стану мамой.

А как обрадуется Тимур!

Эта мысль била в виски сладким нетерпением. Мы мечтали об этом целый год. Каждый месяц надежда сменялась тихим разочарованием, а его сильные руки обнимали меня крепче, шепча: «Ничего, солнышко. Всё будет. Мы будем ждать столько, сколько нужно».

Он так хотел стать отцом. Говорил, что наш ребенок должен родиться в самой полной, самой безусловной любви. И вот она – награда за наше терпение.

Я влетела в здание, обогнув медлительных посетителей, и рванула к лифтам. Сердце колотилось, как птица в клетке ребер. Даже стальные двери лифта, обычно такие неторопливые, сегодня со скользящим шепотом раздвинулись передо мной, будто спешили вместе со мной. В кабине стояли люди – женщина с авоськой, строгий мужчина в очках, курьер с коробкой. Все они смотрели на мою неподдельную, сияющую улыбку. Эх, если бы они знали! Они бы улыбнулись в ответ. Или позавидовали. Неважно. Я парила.

На секунду в голове всплыли слова Зои, моей вечно осторожной подруги:

«Лер, нельзя быть такой откровенно счастливой. Вселенная зазевается, а потом – бац! – и равновесие восстановится. Плакать будешь».

Глупая, суеверная Зоя. Я не верила в приметы. Я верила в Тимура. В его взгляд, который грел меня лучше любого солнца. В его обещания, которые были крепче гранита. Он меня обожал, боготворил. А теперь, когда я носила под сердцем частичку нас обоих... Он просто сойдет с ума от счастья. Я знала.

Шикарная приемная на двадцатом этаже встретила меня тишиной и запахом дорогого кофе. Мое отражение в полированных черных поверхностях мелькнуло – растрепанное, розовощекое, с горящими глазами.

Дверь в кабинет Тимура была... приоткрыта.

Всего на пару сантиметров. Странно. Он никогда не работал с открытой дверью, называя это непрофессионализмом.

Помощницы, обаятельной Ниночки, не было на месте. Компьютер выключен, на стуле аккуратно висит пиджак. Слева – глухая дверь кабинета заместителя, моего деверя Арсения.

Арсений, брат-близнец Тимура, вечный бабник и душа компании. Он, кажется, улетал в Милан на неделю. Зря, не узнает первым о счастье, что станет дядей.

Я сделала шаг к кабинету мужа, но взгляд зацепился за предмет на идеально пустом столе Нины.

Черная матовая коробочка, небольшая, из-под ювелирных изделий. Изящная алая лента, которая должна была стягивать ее, была небрежно развязана и свисала, как капля крови на снегу. Рядом валялся клочок белой шуршащей бумаги, а на нем – маленькая открытка с логотипом. Рука сама потянулась, взяла ее.

«Спасибо за выбор нашего бутика «Lingerie de Rêve». Носите с удовольствием и будьте неотразимы».

Бутик нижнего белья.

Очень дорогого, очень откровенного. Я знала. Мы с Тимуром как-то проходили мимо его витрин, и он, обняв меня за талию, сказал, смеясь: «На тебе даже мешок из-под картошки будет смотреться как творение кутюрье».

Ледяная игла медленно, не спеша, вошла мне прямо под лопатку. Предчувствие. Оно шевельнулось где-то в глубине, черное и липкое.

«Замолчи», – мысленно прошипела я ему. «Не сейчас. Не сегодня».

Но ноги сами понесли меня к приоткрытой двери.

Я не шла – меня вело. Сквозь узкую щель доносился приглушенный звук – негромкий стук, ритмичный, навязчивый. Стук дерева о стену? Нет. И не голоса... Стоны. Короткий, сдвленный женский стон, и низкий, хриплый мужской выдох.

Мир сузился до этой щели. Я толкнула дверь. Она бесшумно подалась.

И время остановилось.

У массивного орехового стола, спиной к дверям и ко мне, стоял мой муж.

Его пиджак был наброшен на кресло, голубую сорочку он стянул с плеч, и она болталась на нем, застряв у локтей. Его спину, такую знакомую, такую любимую, покрывала легкая испарина. И чуть ниже...

Ниже были спущены дорогие, идеально сидящие на нем брюки. А перед ним, опершись ладонями о полированную столешницу, выгнув спину и запрокинув голову, закатив глаза от наслаждения, стояла Ниночка. Его помощница.

На ней была только белая блузка, растянутая почти до пояса, и черные кружевные чулки. Те самые, из «Lingerie de Rêve». Алая лента от той коробочки была небрежно обвита вокруг ее щиколотки.

Тимур... мой Тимур... делал ей больно. Или доставлял удовольствие. Это не имело значения.

Имело значение только это: мир, который секунду назад был полон света и музыки, взорвался в абсолютную, оглушающую тишину и боль. Крылья за спиной сломались в одно мгновение, и я рухнула с седьмого неба прямо в ледяную бездну.

Из горла вырвался не крик, а короткий, животный выдох, полный такого ужаса и боли, что даже они обернулись.

– В-Валерия?! – Его голос. Любимый. Проклятый. Он обернулся, и в его широко распахнутых глазах я увидела не раскаяние, и даже не панику. Гнев мужчины, которому помешали. – Закрой дверь, мы почти закончили.

2.

Я не помнила, как развернулась.

Не помнила, как выбежала из приемной. Я мчалась по коридору, и в ушах стоял оглушительный рев – рев падающего самолета, рев рушащейся вселенной. В глазах рябило от слез, которые еще не успели хлынуть, превратившись в едкую пелену.

Я налетела на лифт, давя пальцем на кнопку, как будто могла продавить ее сквозь стену. За мной кто-то крикнул:

– Валери-я-я-я-я! - Голос Нины. Ее голос. Меня вырвало. Буквально. На пол. Горький привкус желчи во рту. Двери лифта сомкнулись, отрезав тот мир.

Улица врезалась в меня холодным, обидным ветром. Я ловила воздух ртом, как рыба, выброшенная на берег. Голова раскалывалась и невыносимо больно было в районе сердца.

Я поймала такси и прошептала адрес нашего дома. Своего убежища, которое перестало быть моим

– Дом номер тринадцать, – повторила я не своим голосом. Тринадцать. Роковое число. Надо было верить приметам.

Закашлялась и отпила из бутылочки воды, что нашла в сумке. Стало чуть полегче, головная боль чуть отступила.

Ключ от квартиры не слушался, дрожал в пальцах. Я ворвалась в прихожую, и запах ударил в ноздри – его дорогой древесный одеколон, смешанный с моими любимыми цветочными духами. Запах «нас». Теперь он был удушающим, ядовитым. Я содрала с себя куртку, бросила ее на пол, как будто она была пропитана той самой мерзостью, что я увидела.

Действовала машинально, словно робот, которому срочно загрузили новую программу – спасения. Мозг отключился, тело двигалось на автомате, подчиняясь старой боли.

Я вытащила чемодан из гардеробной, и пыль с крышки взметнулась в воздух и тут же осела на паркет. Распахнула его и взгляд метнулся по спальне.

Первое, что полетело внутрь – мои документы из сейфа. Паспорт с печатью о браке. Свидетельство. Медицинский полис. Бумаги, связывающие меня с ним. Потом кошелек. Из него выпала на пол совместная фотография в миниатюре, сделанная в фотоавтомате. Мы корчили рожицы. Он целовал меня в щеку. Я бросила снимок обратно в чемодан и придавила папкой. Захлопнуть. Уничтожить.

Я хватала все наугад. Свитера, джинсы, белье. Не глядя. Не думая. Пальцы наткнулись на шелковый халат – подарок на первую годовщину. Я дернула его с вешалки, и тонкая ткань с шипением проскользнула между пальцами, оставив ощущение предательской ласки. Он полетел в дальний угол комнаты. Забирать его с собой не было ни малейшего желания.

Потом я открыла ящик тумбочки.

Там лежал тот самый тест. Две жирные полоски, которые я вечером хотела показать Тимуру. Еще одно доказательство нашей любви. Любви или предательства?

В кармане лежала бумажка из лаборатории с аккуратным штампом и цифрой: 3000 мЕд/мл. Я взяла ее. Бумага хрустела. Я смотрела на циферки, выведенные синими чернилами, и пыталась вызвать в себе что-то.

Радость? Ужас? Печаль? Но ... ничего не было.

Внутри была черная, беззвездная пустота. Совершенная тишина. Я осторожно, как артефакт чужой цивилизации, положила тест и бумажку во внутренний карман чемодана.

И тут в кармане брошенной на пол куртки что-то загудело. Вибрация, злая, навязчивая. Непрекращающаяся. Как будто меня кто-то усердно пытался достать.

Я замерла.

Потом медленно наклонилась, вытащила телефон. Экран светился ослепительно в полумраке спальни. На нем плясало имя: «Невыносимый любимка».

Мое дурацкое, нежное прозвище для него.

Его любовь была такой всепоглощающей, что иногда казалось, будто не хватает воздуха. Она пульсировала, требуя ответа. Настойчивая. Наглая. Предательская.

Я не стала сбрасывать. Не выключила. Я просто зажала телефон в кулаке так, что стекло затрещало, и вышла на балкон.

Ветер встретил меня яростным ударом, вырвал из легких остатки воздуха, засвистел в ушах, заглушая на секунду тот внутренний рев, что сводил с ума.

Я посмотрела на яркий, живой экран. На эти два слова, которые еще час назад заставляли сердце биться чаще, а теперь означали только ложь, грязь и невыносимую боль.

И тогда поднялась во мне тихая, ледяная ярость. Без крика, без слез. Абсолютная, кристальная.

Я отшатнулась от перил, сделала короткий замах, как будто швыряла не телефон, а саму эту любовь, эту жизнь – и выпустила его из пальцев.

Он описал в темноте короткую, жалкую дугу, экран на миг вспыхнул синим огоньком, как последний сигнал бедствия, и исчез в промозглом ноябрьском вечере. Унес с собой все звонки, все сообщения, все «спокойной ночи, солнышко» и «люблю тебя безмерно». Унес мою прошлую жизнь. Она разбилась где-то там, в темноте, на асфальте, с тихим и окончательным хрустом.

Я вернулась в комнату, захлопнула чемодан. Защелки заскрипели, звук был похож на захлопывающуюся крышку гроба. Спустилась вниз. Бросила чемодан на пассажирское сиденье своей машины. Села за руль. Руки дрожали, но ключ повернулся с первого раза. Я рванула с места так, что резина взвыла по асфальту.

Я увозила себя. Из города. Подальше от этого дома. От той любви, которая оказалась грязной, пошлой, вонючей ложью.

Я открыла окно, и в салон ворвался ледяной воздух. Это стало для меня сигналом. Я закричала, словно освобождаясь от невидимых оков:

– Прощай, Барсов! Мы для тебя умерли! Навсегда!

Визуализация

Друзья мои хорошие, добро пожаловать в новую историю жизни после развода между молодыми супругами.

Здесь прошлое и настоящее сольются воедино, а судьбы героев переплетутся.

В этой истории любви все будет сложно и неоднозначно, но мы справимся.

И обязательно в конце будет любовь и Хэппи Энд. Но у кого?

Пусть это останется пока секретом.

А сейчас, я бы хотела познакомить вас с нашими новыми героями.

Валерия Макаровна Цветкова, 27 лет, цветочница

Тимур Александрович Барсов, 39 лет, бизнесмен

Анечка Тимуровна Цветкова, 5 лет, дочка

Друзья, если вам нравятся герои, напишите об этом в комментариях!

А еще ваши сердечки книги на главной, добавления в библиотеку и подписка на автора сделает его по-настоящему счастливым.

3.

Развели нас быстро, будто стерли с доски неудачную надпись. Насколько я слышала от своего адвоката (голос его был безразлично-деловым, как будто он сообщал прогноз погоды), Тимур так и не пришел на судебное заседание.

Он ничего не оспаривал. Не звонил. Не писал.

Молчание было громче любого крика и окончательнее любого приговора. Оно стало жирной точкой. Теперь я официально была разведенной. Да еще и беременной.

Два клейма, которые я носила в себе, как раскаленные угли.

Я уехала.

Моим новым пристанищем стала однокомнатная хрущевка в спальном районе чужого города. И моя самая близкая подруга Зоя, сестра по несчастью из детдома. Единственный человек на всей земле, который не спрашивал «почему», а просто открыв дверь и увидев мое лицо, крепко, до хруста в ребрах, обнял.

– Всё, – сказала она одно-единственное слово. – Всё, Лера. Ты дома.

Так началась моя новая жизнь.

Без мужа. Без работы. С чемоданом тряпок, пачкой документов о разводе и с начинающимся, подлым токсикозом.

Первые недели пролетели как в тумане.

Я была похожа на призрак, который бесшумно перемещался между диваном, где спала, и маленькой, вечно запотевшей ванной. Токсикоз накатывал не по утрам, а всегда – стоило подумать о еде, вдохнуть резкий запах или... или просто вспомнить. Тогда мир плыл, зеленел, сжимался до размеров холодного кафеля под щекой. Я лежала на полу, обняв стойкий унитаз, и думала, что выворачиваю наизнанку не желудок, а свою старую жизнь. Всю ту любовь, доверие, и возможное счастливое будущее о котором так мечтала.

Зоя не лезла с расспросами.

Она молча ставила рядом стакан воды с лимоном и соломинкой, клала на пол прохладную влажную тряпку. Ее молчание было целебным. Оно давало мне право на тишину, на небытие.

Но потом туман начал рассеиваться. И наступили ночи. Длинные, беспощадные, наполненные не сном, а дикими непрекращающимися рыданиями.

А еще мыслями. Они накатывали волнами, каждая – острее предыдущей.

Мысли были как ножи:

О нем. О Барсове.

Он не пришел в суд. Значит, согласился. Значит, та сцена в кабинете... была не ошибкой, не минутной слабостью. Это было его решение. Я стала неудобной, неинтересной, обычной. Жена, которая целый год думала только о ребенке и совсем не замечала проблем мужа. Жена требующая внимания, а тут – молодая, доступная, в черных чулках... И он сделал выбор. Самый простой. Самый подлый. А я-то думала, что мы строили храм. А он, оказывается, лепил замок из песка, который смыло первым же порывом ветра.

О ребенке.

Что я скажу этому малышу?

«Папа нас не хотел»?

«Папа предпочел другую»?

Я клала ладонь на еще плоский, мягкий живот, и внутри все сжималось от страха. Я сама выросла без родителей. Я знала, каково это – быть ненужным элементом в чужой жизни. И теперь обрекала на это свое дитя. Я ненавидела себя за эту слабость – не бросить все, не избавиться... Но ненавидела бы себя еще больше, если бы поступила иначе. Этот ребенок был

единственным, что осталось от той Валерии, которая верила в чудеса. Убить ее последнее проявление – значило убить себя полностью.

О будущем.

«Как жить дальше?» – этот вопрос висел в воздухе комнаты, гудел в тишине. У меня не было профессии – я была «женой успешного бизнесмена», украшением его жизни. Опыт работы – пара лет после института на низкооплачиваемой должности, пока он не сказал: «Хватит, я тебя содержу, занимайся домом, собой и будущими детьми».

Я была его изнеженной, домашней птичкой в золотой клетке. А теперь клетка распахнулась, и оказалось, что летать-то я разучилась. Кругом – холодное, огромное небо, полное хищников.

Иногда, сквозь ненависть и боль, прорывалось другое. Мелкое, жалкое, предательское. Это были воспоминания.

Они незаметно подкрадывались и душили, сдавливали горло так, что хотелось выть.

Как он впервые увидел меня в детдоме — не как благотворитель сиротку, а как женщину. Его взгляд был не жалостливым, а заинтересованным.

Как он учил меня плавать в море, держа за живот, и я кричала от восторга и страха, а он смеялся, и этот смех сливался с шумом волн.

Как ночью, когда мне снился кошмар о детдоме и погибших родителях, он не будил меня, а просто обнимал так крепко, что кости скрипели, и шептал в темноте: «Я здесь. Ты в безопасности. Навсегда».

«Навсегда» — это слово теперь обжигало сильнее, чем «измена».

Зоя принесла домой объявления о работе. Кассир в супермаркет. Уборщица в офис. Продавец в палатку с дешевой одеждой.

– Тебе нужно вставать, Лер, – сказала она мягко, но твердо. – Не для себя. Для него. – Она ткнула пальцем в мой живот.

Она была права. Я смотрела на эти листочки, и внутри поднималась волна паники. Я не могу. Я не справлюсь. Я точно сломаюсь.

Но однажды утром, встав с дивана и подойдя к зеркалу, я увидела не свое изможденное лицо с синяками под глазами. Я увидела в своем отражении... его. Тимура.

Его упрямый, волевой подбородок. Его взгляд, который в моменты решимости становился стальным. Он никогда не сдавался. Ни перед чем. Даже перед правдой, видимо.

И я поняла.

Чтобы выжить, мне придется украсть у него эту черту. Его силу. Его упрямство. Взять и присвоить, как трофей на этой войне, которую он мне объявил своим молчанием.

Я выпрямила спину. Погладила живот.

– Ладно, – прошептала я ему, обращаясь и к нему, и к старой, доверчивой Валерии, и к новой, черствой, которая только начинала формироваться. – Ладно, Тимур. Ты не пришел в суд. Ты выбрал свой путь. А я теперь выберу свой. Без тебя.

Я взяла со стола первое попавшееся объявление.

«Требуется помощник в цветочный киоск. График сменный».

Цветы. Они никогда не предадут. Они просто увядают. С этим я как-то смогу справиться.

– Зоя, мне нужно яркое платье и новая прическа.

4.

Новая жизнь не началась с хлопка шампанского. Она началась со стойкого запаха зелени, земли и влажной бумаги в тесном цветочном киоске.

Мои руки, привыкшие лишь к тому, чтобы держать бокал, сжимать руль машины или лежать в крупной, теплой ладони мужа, теперь учились орудовать секатором, счищать шипы с роз и заворачивать букеты в шуршащую плёнку.

Первые дни я делала всё медленно, неуклюже, путала названия цветов.

Хозяйка, женщина лет пятидесяти с усталыми глазами и золотыми руками, по имени Галина Ивановна, ворчала, но не ругалась. Она видела мой растущий живот и, кажется, понимала больше, чем я могла сказать.

Её молчаливая, суровая снисходительность была похожа на целебный бальзам.

Деньги были копеечные, но они были моими. Первая зарплата – пачка потрёпанных купюр в конверте. Я держала её в руках и чувствовала не гордость, а острое, щемящее облегчение.

Я не умру с голоду.

Не умрёт мой ребёнок.

Это было базово, примитивно и невероятно важно.

Раз в месяц, отпросившись с работы, я шла в женскую консультацию. Длинные очереди, белые халаты, холодная кушетка. УЗИ.

Впервые я услышала – не увидела, а именно услышала – стук маленького, бешено быстрого сердечка. Это был не образ, не надежда. Это был факт. Конкретный, живой, стучащий.

«Та-та-та-та-та», – безошибочно и громко.

Врач, улыбаясь, повернула экран:

– Смотрите, вот ваша девочка. Все пальчики на месте.

Я смотрела на размытое серо-белое изображение, на этот крошечный изогнутый позвоночник, и слёзы текли сами собой – тихие, без истерики. Это были слёзы не боли, а потрясения перед чудом, которое продолжалось вопреки всему.

С Зоей мы потихоньку обживали нашу клетушку. На сэкономленные деньги купили подержанную, но крепкую колыбельку.

Потом – крошечный комод для детских вещей. Каждая вещь была победой. Мы ходили по рынкам, выбирая пелёнки, ползунки, крошечные шапочки. Я гладила мягкий фланелевый материал и впервые за долгое время чувствовала не страх, а нежное, робкое предвкушение.

«Это для тебя, – думала я, поглаживая живот, который уже начал округляться. – Всё для тебя».

– Как назовём? – как-то вечером спросила Зоя, разбирая пакеты с покупками. – Нужно же имя придумать.

Мы перебрали десятки вариантов, смеясь над нелепыми, споря над красивыми. Имя должно было быть сильным. Ясным. Не нести в себе ни капли прошлого.

– Анна, – вдруг сказала я. – Милость. Благодать. А еще так звали мою бабушку.

– Анечка, – кивнула Зоя. – Звучит тепло.

Так и решили. Наша Анюта. Наше тихое счастье в этом чужом городе.

Мысли о Тимуре приходили, конечно.

Они подкрадывались в тишине, когда я гладила детские вещи, или ночью, когда не могла уснуть от толчков малышки. Воспоминания – не о том, что случилось в кабинете, а о том, что было до того дня: его смех, его руки, согревающие мои вечно холодные ступни, его уверенность, что «у нас всё получится».

Они обжигали, как прикосновение к ране. Я научилась не всматриваться в эту боль, а резко, почти физически, отшатываться от неё. Я мысленно строила стену. Каждый кирпич – это моя зарплата, купленная пелёнка, прочитанная книга о беременности. Он был по ту сторону этой стены. В небытии.

Как-то раз Зоя, вернувшись с работы (она трудилась в типографии), принесла пачку старых газет, которые должны были пойти на ремонт. Она собиралась поклеить новые обои, а для этого нужно было грунтовать стены.

– Думаю, нужно будет сделать ремонт быстрее, пока ты не родила, – сказала она, и вдруг, раскладывая их на полу, замерла.

– Опа, – пробормотала она. – Знакомые всё лица.

Моё сердце ёкнуло, замерло. Я не подошла. Не потянулась. Сидела на диване, сжимая в руках вязание для Анечки – кривоватый, но сделанный с любовью плед.

– Кто? – спросила я, и голос прозвучал неестественно ровно.

– Барсов, – сказала Зоя, внимательно изучая полосу. – Твой бывший деверь, Арсений. Здесь статья о его новом проекте. Открывает какую-то галерею современного искусства. Фотка... ни дать ни взять обычный пижон.

Она перевернула страницу, пробежала глазами по другим колонкам.

– О Тимуре... – она специально сделала паузу, глядя на меня. – Ни слова. Ни строчки. Как будто его и нет. Ни новостей о бизнесе, ни светской хроники... Ничего.

Тишина в комнате стала густой, звенящей.

«Как будто его и нет».

Слова повисли в воздухе. Что это значило? Уехал? Разорился? Или... Нет. Я запретила себе додумывать. Мёртв он или жив – не имело для меня теперь никакого значения. Его молчание в суде уже всё сказало.

– Выбрось эти газеты, – тихо, но чётко произнесла я, втыкая спицу в клубок. – Мне это неинтересно.

Зоя молча собрала газету, смяла ее в бесформенный комок и сунула в мусорный пакет. Шуршание бумаги было похоже на звук сминаемой, ненужной жизни.

Я посмотрела на своё отражение в тёмном окне. Видела уже не его черты, а свои. Усталые, но твёрдые. А потом нежно погладила живот, где спала наша Аня.

– Всё правильно, – прошептала я. – Мы живём своей жизнью. И для твоего папы в ней места нет.

5.

Последний штрих к букету. Ирисы, белые хризантемы, веточка эвкалипта – тихий шелест, знакомый запах, крошечное притворство, что мир все еще держится на таких простых, красивых вещах. Клиент, мужчина в дорогом, но не кричащем пальто, ждал у прилавка. В его взгляде читалась не спешка, а какая-то усталая внимательность.

– Для жены? – автоматически спросила я, завязывая ленту.

Он мягко улыбнулся, и в уголках его глаз собрались лучики морщин.

– Для племянницы. У неё сегодня первый бал.

В его словах, в этой мужской нежности, было что-то такое... цельное. Неразрушимое. В горле запершило, стало тесно от чужого счастья, которое вдруг обожгло, как укор. Её папа волнуется. А твой?

Я потянулась, чтобы передать букет, и в этот момент что-то внутри меня щёлкнуло — тихо, но с решительностью захлопнувшейся двери. За этим последовала горячая, влажная волна, которая растеклась по ногам, заливая пол и мои дешёвые балетки.

«Ведро», – тупо мелькнула первая, спасительная мысль. Я опрокинула ведро с цветами. Сейчас будет лужа, Галина Ивановна будет ворчать...

Я посмотрела вниз. Лужа расплзлась по потрёпанному линолеуму, темная и неумолимая. Я медленно подняла глаза и встретилась взглядом с клиентом. В его глазах промелькнуло недоумение, потом шок, и наконец – мгновенное, кристально ясное понимание.

– У вас... – начал он, и голос его был тихим, но очень твёрдым.

– Да, – выдохнула я перебивая. Звук собственного голоса удивил меня своей странной, ледяной ровностью. – Похоже, началось.

И словно в подтверждение, схватка накрыла с такой силой, что мир почернел по краям. Стальной обруч, туго-натуго стянутый вокруг живота. Я глотнула воздух, но его не было. Пальцы впились в край прилавка, побелели в суставах. Из подсобки выскочила Галина Ивановна.

– Лерка! Дочка! Да ты рожаешь!

В её крике была паника, от которой моя собственная, странным образом, отступила. Я видела всё, как в замедленной съемке: его лицо, собранное и решительное, его руку, уже достающую ключи из кармана.

– Моя машина прямо у входа. Я вас отвезу. Сейчас, – сказал он, и это не было предложением. Это был приказ, но в нём не было нажима, только абсолютная уверенность. – Вы можете идти?

Я, стиснув зубы, кивнула, не в силах выговорить ни слова. Он аккуратно, но без лишней церемонии взял меня под локоть, его другая рука легла на спину. И мы пошли. Шаг. Ещё шаг.

Мир сузился до боли, рвущей тело изнутри, и до этого чужого, но незыблемого плеча. Я помню запах его одежды – дорогой парфюм с нотками дерева и кожи. Помню, как он усадил меня в салон чёрного внедорожника, пристегнул ремень, будто я была хрустальной вазой.

– Держитесь, – коротко бросил он, заводя мотор. – Одна нога здесь, другая там.

Он говорил что-то по телефону, голос ровный, чёткий:

– Да, едем. Воды отошли. Схватки с интервалом в три минуты. Приготовьте приемное. Он назвал мою фамилию, которую, должно быть, увидел на бейджике. Звали его, как я слышала, Вячеслав.

Роды были долгим, тёмным тоннелем, наполненным болью и одним-единственным вопросом, выбивавшимся в такт схваткам: «За что?»

За что эта каторга, это раскаленное железо внизу живота, это чувство, будто тебя раздирают на части? Я кусала губы до крови, чтобы не закричать. Не закричать ЕГО имя. Потому что это было бы предательством. Предательством по отношению к себе, к этой маленькой жизни, которая рвалась на свет.

И вдруг в минуту передышки, когда тело обмякло, залитое ледяным потом, пришло озарение, ясное и холодное, как сталь.

“Это не наказание. Это плата. Плата за Аню. За право быть её матерью. За наше будущее, которое я вырву у судьбы сама.”

И с этой мыслью нашлись силы. Последний рывок, последнее нечеловеческое усилие...

И – крик. Тонкий, пронзительный, яростный. Он разрезал тишину и всю мою прежнюю жизнь на «до» и «после».

– Девочка, – устало сказала акушерка, и я почувствовала на груди внезапную тяжесть – влажную, тёплую, пульсирующую. – Здоровая деваха. Поздравляю!

Я опустила глаза.

И всё.

Всё перевернулось, сломалось и собралось заново вокруг этого сморщенного личика, этого тёмного пушка на голове, этого крошечного рта, который уже искал, цеплялся, требовал. Любовь нахлынула не волной, а целым океаном, сметая на пути все страхи, всю горечь, всю боль. Это была не эмоция. Это был закон мироздания.

Ты – моя. Я – твоя. И это навсегда.

– Аня, – прошептала я, касаясь губами её макушки. – Анечка. Всё кончилось. И все начинается.

Через день, когда боль притупилась и я впервые смогла сама дойти до окна, в палату постучали.

– Можно?

На пороге стоял Вячеслав. В руках у него был небольшой, но изысканный букет – нежные альстромерии и кремовые розы, те самые, что я так любила собирать.

– Я... подумал, что нужно убедиться, – он слегка смутился, что выглядело неожиданно трогательно на фоне его общей сдержанности. – Что вы в порядке. Вы... вы настоящий боец.

– Спасибо, – голос мой был тихим, но уже не надтреснутым. – Если бы не вы... Я даже имени не спросила тогда. Спасибо, Вячеслав.

– Слава, – поправил он легко. Поставил цветы на тумбочку. Его взгляд скользнул к прозрачной колыбели, где, запеленованная, спала Аня. В его глазах что-то смягчилось. – Она прекрасна. Поздравляю.

– Спасибо, – повторила я, и внезапно стало неловко от этой тишины, от его присутствия, оттого, что он видел меня в тот момент полной беспомощности и боли.

Он, словно почувствовав это, сделал шаг назад, к двери, но не ушёл.

– А вас как зовут? – спросил он прямо. Взгляд его был открытым, тёплым и... заинтересованным. Это был уже не взгляд спасателя. Это был взгляд мужчины, который видит женщину. – В суматохе как-то не получилось узнать.

Я посмотрела на него.

На симпатичное, умное лицо. На уверенную осанку. На цветы, которые он принёс – не вычурные, не давящие, а просто красивые. Это была протянутая рука. Шанс. Возможность посмотреть вперёд, а не оглядываться в проклятое прошлое.

В груди что-то дрогнуло – робкая, забытая надежда. А следом – ледяной укол страха.

Я открыла рот.

«Валерия», – уже почти сорвалось с губ. Но в этот миг Аня во сне закричала – негромко, но требовательно. А потом её личико сморщилось, она чмокнула губами и издала тот самый тихий, беззащитный звук, который знает каждая мать.

Мгновенно, как по инстинкту, я повернулась к колыбели, заслонив гостя. Весь мир сузился до этого крошечного комочка.

– Извините, – раздался мой голос откуда-то издали, когда я склонилась к дочери.

Когда я снова обернулась, заглядывая ему в лицо с неммым вопросом, в дверном проеме никого не было. На тумбочке лежала его визитка. А на ней, под именем «Вячеслав Игоревич», чётким почерком было написано:

«Если понадобится помощь. С любым вопросом».

Дорогие мои, позвольте порекомендовать вам новинку нашего Литмоба!

Развод. (не) ищи меня

https://litnet.com/shrt/_18d

6.

Прошло пять лет

Пять лет – это не срок. Это эпоха. Целая жизнь, уместившаяся в новой двушке недалеко от центра, в ароматах цветочного магазина, который я теперь называла своим, и в звонком смехе, разливающимся по утрам.

МЫ с Анечкой переехали от Зои и вернулись в родной город.

– Мам, а у нас сегодня будет лепка? – Аня, моя четырехлетняя Анечка, ёрзала на пасажирском сиденье, её ноги в ярких валеночках не доставали до пола. Я смотрела на неё в зеркало заднего вида и чувствовала знакомый, сладкий укол в груди. Каждый день. Каждый день это чудо.

– Будет, солнышко, будет, – ответила я, паркуя свой дорогой паркетник у тротуара возле детского сада. Зима в этом году была злющей, с колючим ветром и гололедицей, предательски скрывавшейся под первым пушистым снежком.

– Не забудь варежки в шкафчике переодеть, – начала я, выключая зажигание. – И послушай, что Надежда Петровна говорит. И...

– Ма-ам, – застонала Аня, уже отстегивая ремень. – Я всё знаю!

Я знала, что она знает. Она была самостоятельной не по годам. Но материнская тревога – штука неистребимая. Я вышла, обошла машину и открыла ей дверь. Мороз сразу укусил за щёки.

– Давай шарфик лучше завяжу, – сказала я, наклоняясь к ней. Мои пальцы, привычные к стеблям и лентам, ловко завернули тёплый вязаный шарф повыше, почти до носа.

– Не надо так туго! – запротестовала Аня, мотая головой. – Я как чебурашка!

– Чтобы горлышко не застудить, – настаивала я мягко, но непреклонно, поправляя на ней шапку, съехавшую набекрень. – И шапочку не снимай, даже если в группе жарко, ладно?

– Ла-адно, – вздохнула она с видом великомученицы, хватая свой рюкзачок в виде совы.

В этот момент из-за угла, из-за припаркованного рядом чёрного внедорожника, выскочил маленький мальчик лет трёх. Он нёсся сломя голову, радостно размахивая пластмассовым мечом, и не смотрел под ноги.

– Миша, осторожно! – раздался сзади него мужской голос, напряжённый и властный.

Но было уже поздно.

Аня как раз сделала шаг от машины. Они столкнулись плечом в плечо. Несильно, но неожиданно. Аня ахнула. Мальчик, Миша, отшатнулся, его меч полетел в сугроб. Из моих рук выскользнула сумка со сменной обувью и планшетом, ударилась о бордюр, и всё содержимое рассыпалось по обледеневшему асфальту. Пакет с моим завтраком – яблоко и бутерброд – шлёпнулся рядом.

– Ой! – воскликнула я, инстинктивно сделав шаг к рассыпавшимся вещам. Но под ногами был не снег, а лёд, припорошенный снежной пылью. Нога поехала вперёд, тело резко потеряло равновесие. Полёт был коротким и стремительным. Я зажмурилась, готовясь к жёсткому, холодному удару.

Удар не последовал.

Вместо этого сильные руки схватили меня под локти, резко и уверенно, остановив падение за сантиметр до земли. Меня буквально подняли на ноги и поставили, как куклу. От неожиданности и резкого движения в висках застучало.

– Осторожнее, – прозвучал над головой тот же мужской голос, что звал Мишу. Голос низкий, сдержанный. В нём была привычка командовать. И... что-то неуловимо, до мурашек, знакомое. Но такого не может быть. Это игра нервов, шока от падения.

– Спасибо, я... – начала я, отряхиваясь и поднимая голову, чтобы взглянуть на своего спасителя.

И мир остановился. Как будто Земля, которая неумолимо кружится вот уже несколько миллиардов лет, резко замерла.

Звуки улицы – гул машин, смех детей, крики ворон – исчезли. Осталось только леденящее безмолвие и биение собственного сердца, гулкое, как барабан в пустой комнате.

Передо мной стоял Тимур.

Не призрак. Не игра воображения. Плотный, живой, настоящий. Он был по-другому одет – не в те дорогие костюмы, а в практичную, но явно дорогую зимнюю куртку. Его лицо... оно изменилось. Стало жестче, в уголках губ залегли неизвестные мне прежде морщины, а во взгляде, который был прикован ко мне, бушевал ураган немых эмоций: шок, неверие, радость, боль, ярость. Всё сразу. В его руке он держал маленькую рукавичку, которую, видимо, поднял.

– Лера... – вырвалось у него. Одно слово. Моё имя. Произнесённое его голосом после пяти лет молчания. Оно прозвучало как взрыв, как обвал, как приговор.

Я не могла пошевелиться. Не могла дышать. Кровь отхлынула от лица, оставив ощущение ледяной маски. Где-то рядом Аня, испуганная, звала:

– Мама?

Мальчик, Миша, притих, прижавшись к ноге Тимура. Но всё это было где-то далеко, за толстым, звуконепропускаемым стеклом.

Тимур смотрел на меня так, будто видел привидение. Его взгляд скользнул с моего лица на Аню, которая инстинктивно прижалась к моей ноге, ухватившись за подол пальто. Он посмотрел на неё. Пристально, изучающе. И в его глазах что-то щёлкнуло. Прозрение. Ужасающее, математически точное.

Пять лет. Девочка. Его черты, несомненные, как отпечаток, в её личике, в разрезе глаз, в упрямом подбородке.

– Это... – его голос сорвался, стал хриплым. Он не мог оторвать взгляда от Ани. – Это кто?

Вопрос повис в морозном воздухе, острый как лезвие. И в его тоне была не просто просьба об информации. В нём была тихая, сметающая всё на своём пути, ярость. Ярость человека, которого как будто жестоко, нагло обманули. Которому только что вернули его жену. Живую. С его ребёнком.

Мне нужно было что-то сказать. Двинуться. Убежать. Но ноги были ватными, а легкие отказывались вдыхать этот воздух, которым дышал он. Всё, что я смогла сделать, – это инстинктивно прижать Аню ещё ближе, закрывая её собой, как щитом. Этот жест не ускользнул от его внимания. В его глазах вспыхнула молния.

– Моя дочь, – спокойно ответила я, хотя внутри бушевал ураган эмоций, – моя. И больше ничья.

Хорошие мои, еще одна рекомендация и еще одна новинка нашего Литмоба!

После развода. Прощу и (не) вернусь

<https://litnet.com/shrt/mRUi>

– Это она? - шиплю не своим голосом, глядя любимому в глаза. - Та, с кем пару раз за спиной у жены? Ответь ей, вдруг что-то срочное. Вдруг она опять тебя хочет!

И Егор мне на зло принимает звонок, рычит:

– Альбина, я занят. Перезвоню.

Но из динамика вполне отчётливо слышится:

– Игнатов, я беременна от тебя!

...

 Спустя шесть лет у меня новая жизнь: сын, любимый мужчина, интересная работа. Под Новый год я решаю помочь потерявшейся в торговом центре девочке.

 – Меня зовут Валя Игнатова. У меня только папа. Мамы у меня нет! - признаётся малышка.

 А потом я вижу бывшего мужа, и некрасивый пазл складывается сам собой: синеглазая Валя - плод его измены.

 Наша встреча вскрывает старые раны, а судьба-злодейка вновь и вновь сталкивает нас вместе.

 Но какой в этом смысл, если “мы” остались в прошлом, а бывший муж даже не знает, что мой сын - и его тоже?

7.

Пять лет назад

Тимур Барсов

– Это... кто? – слова прозвучали, но в них не было силы, только хриплый выдох, наполненный яростью, болью и воспоминаниями о пяти годах ада. Но её ответ оборвал всё. Холодный, чёткий, как удар ножа:

– Моя дочь. Моя. И больше ничья.

Дочь?

Это слово пронзило мозг, и в нём что-то щёлкнуло. Не память – нет, память была уже целой – а понимание. Понимание масштаба лжи. И за этим пониманием хлынула волна – не мысли, а образы.

Живые, яркие, обжигающие, как будто все произошло вчера.

... я не любил эти поездки в детдом. Обязанность благотворительного фонда. Пустые глаза, заученные слова благодарности.

Я не сразу ее заметил. Она не стояла в строю как все, а мыла окна в холле, стоя на табуретке. На ней было старенькое, но чистое платье, которое подчеркивало ее стройные ноги. (Возможно, сначала я влюбился в эти ноги, а уже потом во все остальное). Так вот, окна она мыла сосредоточенно, яростно, будто хотела стереть не грязь со стекла, а саму эту реальность.

Внезапно она обернулась и посмотрела на меня. В её глазах не было сиротской покорности, только вызов. Взгляд был глубоким, тёмным, наполненным недетской тоской и такой силой, что я застыл на месте.

– Кто эта девочка? – спросил я у директора.

– Валерия. Наша строптивница. Мечтает стать ландшафтным дизайнером, – медленно, по слогам повторила заведующая. Похоже, она долго запоминала название профессии, но так и не смогла удержать в памяти.

Я подошёл. Спросил, почему она моет окна? Она пожала плечами и улыбнулась:

– Чтобы видеть улицу. Через грязное стекло мир кажется ещё грязнее.

... я дарил ей мир.

Квартиру с видом на парк. Поездки туда, где она никогда не была – в Париж, к морю, в горы. Её первый восторг при виде самолёта. Как она, уже моя жена, в отеле с видом на Эйфелеву башню, сказала, прижавшись ко мне:

– Это всё сон. Я боюсь проснуться.

Я клялся, что это наяву. Навсегда. Её смех, когда я неумело пытался готовить ей завтрак. Её тихие слёзы, когда она нашла в шкафу альбом с фотографиями своих погибших родителей, который я разыскал по крупицам. «

– Теперь у тебя есть я, – сказал я тогда. – И у нас будет своя семья».

... потом была свадьба.

Лера была в простом платье, но выглядела королевой. Сказала «да» голосом, полным такой уверенности, что у меня сжалось сердце от счастья. Мы хотели ребёнка. Сразу. Я мечтал о сыне, но представлял себе дочку – её копию. Каждый месяц она с надеждой смотрела на тест, а когда видела одну полоску, старалась улыбаться. Я держал ее в объятиях и шептал:

– Ничего, солнышко. Мы будем ждать столько, сколько нужно.

... а потом настал тот самый проклятый день.

Я был на другом конце города, на сделке. Валерия должна была заехать в офис. Я ждал её звонка, чтобы узнать результаты её анализов. Но звонка не было. Я не дождался.

Я заскочил в головной офис вечером. В приёмной плакала Нина, моя помощница. Лицо заплаканное, в глазах паника.

– Тимур Аркадьевич... Валерия... Она была здесь.

– Где она? Что случилось?! – почти крикнул я, понимая, что нервы на пределе.

– Ей стало плохо. Она... Она что-то увидела в вашем кабинете и убежала. Я пыталась её остановить, но она...

«Плохо?» Сердце упало. Беременность. Осложнения. Где Арсений? Брат должен был быть здесь. Но его не было.

– Что она увидела? – спросил я, но Нина только мотнула головой всхлипывая. Я ворвался в кабинет. Всё было на месте. Только... красная шелковая лента на полу. И странное чувство, как будто воздух был заряжен чем-то постыдным, грязным.

Я набрал Валерии. Звонок пошел, а потом резко – абонент недоступен. Я помчался домой. Квартира была пуста. Её вещей не было. Только запах её духов и моё нарастающее безумие.

Я продолжал ее ждать, искать и медленно сходить с ума.

Через несколько дней пришла повестка. Развод. Без объяснений. Я снова и снова набирал заветный номер ее телефона. Но абонент все так же был недоступен.

Она исчезла. Я был в ярости, в отчаянии.

Я носился по городу, по всем её знакомым, которых было раз-два и обчёлся. Полиция разводила руками: взрослая женщина уехала по собственному желанию, документы в порядке. Мне говорили:

– Остынь, бросила и бросила.

Но я знал, что не бросила. Не могла. Что-то случилось. Что-то ужасное, чего я не понимал. Я чувствовал, что теряю рассудок.

... был ливень. Ночь.

Я ехал за город, к детдому. Это было последнее место, которое, как мне казалось, она могла посетить. Мысли путались: красная шелковая лента, слёзы Нины, исчезновение брата, её слова «плохо»...

Я понял. Не до конца, но ощутил ужасную правду. Она что-то увидела. Возможно, не то. Не могла она... Это была ошибка! Я должен был всё объяснить. Рука сама набрала её старый, уже нерабочий номер.

– Лера, пожалуйста... ответь.

В этот момент, из-за поворота на мокрый асфальт вылетела фура. Я резко вывернул руль, но потерял управление. Удар был ужасающим, словно мир вокруг рушился. Металл скрежетал, сминался, все вокруг казалось нереальным. Последнее, что я увидел, прежде чем стекло покрылось трещинами, был её образ в лобовом стекле. Не реальный, а из памяти: она улыбалась, держа на руках воображаемого ребёнка. Потом наступила темнота.

... какие-то обрывки памяти.

Больница. Трубки. Голоса.

Женский голос, настойчивый, чужой:

– Тимур, ты попал в аварию. Я Люда. Твоя... твоя девушка. Всё будет хорошо. Путаница в голове. Провалы. И главная пустота – там, где должна была быть она. Где было её имя, её лицо. Врачи говорили об амнезии. Люда шептала:

– Ты любил другую. Но она... она погибла. В аварии. Ты не справился с управлением. Ты винил себя. Но теперь всё кончено».

Я цеплялся за эти слова, как утопающий. Потому что в голове была только чёрная и болезненная пустота.

Потом я женился на Люде. Родился Миша. Я пытался любить жену. Но чувствовал себя актёром в чужой пьесе. Но однажды в парке на аттракционах с сыном увидел, как маленькая девочка упала.

И в голове вспыхнуло:

Лера! Я не удержал!

И меня словно накрыло лавиной. Память вернулась. Вся. С любовью. С болью. С тем днём. Я набросился на Люду с вопросами. Правда выплыла, грязная и мерзкая. Ложь. Сплетня, которую она растиражировала, пользуясь моим беспамятством. Я кинулся искать Леру. Мне сказали: она умерла.

Мне сказали: она умерла.

Кажется, в тот день – я снова умер.

Пока... сегодня не увидел Леру и ее дочь.

– Это... кто? – спросил на выдохе, стараясь держать себя в руках.

– Моя дочь. Моя. И больше ничья, – тихо произнесла и ее голос, тот самый, любимый, родной, который мне казалось, я больше никогда уже не услышу, пронзил до глубины души. И меня накрыло. Так сильно, что я пошатнулся. Схватился рукой за дверь рядом стоящей машины и выдохнул.

Я смотрел на неё – на свою Леру, которую считал мёртвой, которая теперь смотрела на меня с ледяным вызовом, прикрывая мою дочь. Смотрел на девочку – мою кровь, мои черты, глаза.

– Больше ничья? – мой голос прозвучал тихо, но с такой металлической решимостью, что она невольно отступила на шаг. – Уверена?

Я шагнул вперёд. Не угрожающе, но воздух между нами сгустился. Наполнился током боли и обжигающим гневом.

– Тимур, не подходи, – прошептала она, голос её дрожал.

– Валерия, родная моя, – я остановился, стараясь говорить спокойно, но слова давались с трудом, – может, объяснишь, где ты была все эти чертовы пять лет?

Хорошие мои, еще одна замечательная книга нашего Литмоба!

Развод. Снова (не) влюблюсь

<https://litnet.com/shrt/uIyZ>

8.

Его слова, этот голос, просящий объяснений, – они вонзились в меня, как стекло.

«Где ты была все эти чертовы пять лет?»

Какая наглость. Какая циничная, оглушительная наглость. У него хватает духа спрашивать? После той сцены в кабинете? После того, как он даже в суд не пришёл? После пяти лет полного, тотального молчания?

Я вынырнула из оцепенения, как из ледяной воды. Вдохнула – и воздух обжёг лёгкие. Аня робко тянула меня за подол.

– Мама, холодно...

– Да, солнышко, прости, – мой голос прозвучал неестественно высоко. Я наклонилась, подняла рассыпавшиеся вещи, запихнула их в сумку, не глядя. Главное – не смотреть на него. Не видеть его лица, в котором теперь читалось не только прежнее высокомерие, но и какая-то новая, чужая боль. Мне нет до неё дела. Он сам ее заслужил.

– Идём, Анята, – твёрдо сказала я, беря дочь за руку. Её маленькая ладошка была такой тёплой и доверчивой в моей ледяной. Мы повернулись и пошли к яркому зданию садика. Шаги отдавались в висках.

И тут, краем глаза, я увидела, как он, почти зеркально, тоже наклонился к мальчику – Мише. Схватил его за руку. Его движения были резкими, порывистыми. Он что-то сказал сыну, и они пошли той же дорогой, параллельно нам, в два шага сбоку. Как два корабля в одном проклятом море.

Мы шли синхронно. Он – сжимая маленькую руку своего сына, я – сжимая руку дочери. Между нами зияла пропасть из пяти лет, лжи и одного увиденного когда-то предательства. Я смотрела прямо перед собой, на разноцветные двери сада, чувствуя его взгляд на своём профиле. Он жёг кожу, внутренности, добирался до сердца.

– Лера, – позвал он, низко, чтобы не слышали дети. – Мы должны поговорить.

Я промолчала. Ускорила шаг.

– Валерия, чёрт возьми! – в его голосе прорвалось отчаяние, которое я отказалась признавать.

Анята испуганно прижалась ко мне. Мы дошли до двери. Я нажала кнопку звонка, почти вонзив в неё палец.

– Заходи, родная. Я за тобой приду.

Я втолкнула её в тёплый, пахнущий кашей и детством вестибюль, даже не наклонившись для поцелуя. Дверь захлопнулась. Я развернулась, чтобы бежать. К машине. К безопасности.

Он сделал то же самое. Быстро договорился с воспитательницей, буквально втолкнул Мишу внутрь и догнал меня за два шага до моего паркетника.

– Подожди!

Его рука схватила меня за локоть. Не грубо, но с такой силой, что остановила намертво. Он развернул меня к себе, прижал спиной к холодному металлу машины, заслонив своим телом от ветра и от всего остального мира. Близко. Слишком близко. Я почувствовала знакомый запах его кожи, смешанный с холодным воздухом. Тот самый, от которого когда-то кружилась голова.

– Пусти, – выдохнула я, и в голосе зазвенела сталь, которую я в себе воспитала.

– Нет. Скажи мне правду, – его лицо было совсем рядом. Глаза, в которые я когда-то была влюблена без памяти, теперь пылали незнакомым мне огнём – болью, гневом, мольбой. – Что тогда случилось? Почему ты ушла? Почему... – его взгляд на секунду метнулся к двери сада, – почему она...?

Я пыталась вырваться, но его хватка была железной.

– Тебе действительно нужно объяснять? – прошипела я, и вся накопленная горечь хлынула наружу. – Ты стоял в своём кабинете со спущенными штанами, Тимур! А твоя помощница в тех самых кружевах была прямо перед тобой! Или пять лет стёрли и эту деталь из твоей памяти?

Он побледнел. На его лице промелькнуло непонимание, а затем что-то похожее на ужас.

– Что? Я... Лера, это не...

– Не продолжай, – я перебила его, чувствуя, как слёзы предательски подступают к горлу, но я не позволю им вырваться. Не перед ним. – Я всё видела. И я ушла. А ты даже не попытался найти. Не пришёл в суд. Точка. Всё кончено, Тимур.

– Ты не понимаешь... – он попытался заговорить, но я уже произнесла самое страшное. Ту ложь, которая стала моим прикрытием.

– Я замужем, — сказала я ровно, глядя прямо в его глаза. И увидела, как они расширились от удара. – И я тебя больше не люблю. Вообще. Ни капли.

Последние слова повисли в морозном воздухе, острые и безвозвратные, как лезвие гильотины. Я воспользовалась его секундным шоком, рванула руку и оттолкнула его. Открыла машину, запрыгнула внутрь и захлопнула дверь. Мои руки тряслись так, что я с третьей попытки вставила ключ в замок зажигания.

В зеркале заднего вида я видела, как он стоит посреди тротуара, неподвижный, будто окаменевший. Его фигура медленно уменьшалась, пока я не свернула за угол. Только тогда я позволила себе выдохнуть. Глубоко, с рыданием, которое разрывало грудь. Я била ладонью по рулю, слепые слёзы текли по щекам. Я солгала ему в лицо. Солгала о самом главном. Потому что правда – что я до сих пор вижу его во сне, что его дочь спрашивает о папе, что никакого мужа нет и быть не может – эта правда сделала бы меня уязвимой. А я не могу себе этого позволить. Никогда больше.

Я проехала ещё два квартала, прежде чем смогла успокоиться. Затем вытерла лицо, поправила макияж в зеркальце и набрала номер.

– Зоя, милая, – сказала я, когда та ответила. Голос мой снова был твёрдым, каким и должен быть у владелицы успешного цветочного бизнеса и матери замечательной девочки. – Со мной только что случилось нечто... невероятное. Нужно встретиться.

Дорогие мои, еще одна новинка нашего Литмоба!

Развод Любовь на перекрёстке судьбы

<https://litnet.com/shrt/cI1M>

9.

Паркетник мягко затормозил у тротуара перед элегантным салоном красоты «Этуаль». Витрины сверкали, зазывая в мир ухода и красоты, который я, владелец сети цветочных магазинов, давно считала параллельной вселенной – приятной, но не моей. Моя вселенная пахла землёй, зеленью и... сегодня ещё и ледяным страхом. Я вошла внутрь, и тёплый, пряный воздух с нотами жасмина и кофе обволок меня, словно пытаюсь смягчить острые углы реальности.

– Лер, что случилось? – Зоя, в белоснежном халате стилиста, уже ждала меня у ресепшена. Её взгляд, острый и пронизательный, мгновенно прочитал во мне всё: трясущиеся руки, сбитый макияж, взгляд бегущего зверя. – Идём в мой кабинет.

Она провела меня в небольшую, уютную комнату для частных консультаций, усадила в мягкое кресло и, не спрашивая, поставила передо мной чашку крепкого сладкого чая.

– Пей. И говори.

И я начала говорить. Сначала сбивчиво, потом поток слов стал неуправляемым, срываясь с губ вместе с новыми слезами. Я рассказывала о морозном тротуаре, о столкновении, о том, как он поймал меня. О его лице – окаменевшем от шока, затем искажённом болью и гневом. О его вопросе: «Это... кто?». О том, как мы шли параллельно, как два призрака. О его хватке на моём локте, о его глазах в двух сантиметрах от моих. И о своей лжи. Холодной, отточенной, как нож.

– ...и я сказала ему, что замужем. Что не люблю его. Ни капли, – закончила я, глотая чай. Рука всё ещё дрожала, и фарфор звенел о блюдце.

Зоя молчала, обхватив чашку руками. Её лицо было серьёзным, собранным.

– И что он? – наконец спросила она.

– Застыл. Как статуя... а я сбежала как трусиха.

– Дура, – мягко сказала Зоя, но в её голосе не было упрека, только тревога. – Ты солгала. А ложь – худшее начало для любых переговоров.

– Каких переговоров?! – вырвалось у меня. – Никаких переговоров! Ты слышала, что я сказала? Он видел Аню. Он знает. Теперь он не отстанет. Он будет требовать... прав, встреч, тестов... Я не могу этого допустить! Он разрушит всё! Он предатель! Ненавижу его... кажется.

Я замерла, поджав губы и подняв взгляд к потолку. В глазах стояли слезы, как будто копились все те долгие пять лет, что я провела одна, без Тимура. Эти годы оставили мое сердце холодным, не позволяя войти ничему, кроме любви к дочери.

– Тимур не приходил в суд, – Зоя говорила медленно, взвешивая слова. – Это факт. Значит, он принял твой уход. Или... с ним что-то случилось. Неважно. Важно другое. Теперь ты сама столкнулась с ним лоб в лоб. Теперь у него есть не просто догадки. У него есть факт – живая девочка, в которую невозможно не поверить. Ты не можешь просто сделать вид, что его нет.

– Я могу! – я вскочила с кресла, зашагала по тесной комнате. – Я построила жизнь! Бизнес! У меня есть Аня! Мне не нужны его истерики, его оправдания и его... его присутствие! Оно меня разрушает! Ты не представляешь, что было у меня внутри, когда он прикоснулся... Мне было страшно. И... и...

– И что? – Зоя встала, блокируя мне путь. Её взгляд был неумолим. – Говори.

– И ничего! – я отвернулась к окну, глядя на падающий снег. – Просто старые нервы.

– Старые нервы, – повторила Зоя с лёгкой усмешкой. – Лера, милая. Ты солгала ему о муже. А мужа-то у тебя и нет. Зато есть, к примеру, Вячеслав Игоревич, успешный хирург, который вот уже пять лет носит тебе букеты, приглашает в рестораны и, между прочим, в прошлый четверг в тысячный раз предложил тебе руку и сердце. А ты что? «У меня дочь и бизнес, мне некогда». Знакомая песня?

Я сжала кулаки. Вячеслав. Добрый, надёжный, стабильный. И совершенно не вызывающий в душе ни единой искры. Рядом с ним я была в безопасности. И в глубокой, тоскливой скуке.

– При чём здесь Вячеслав? – пробормотала я. – Он для меня просто хороший друг.

– При том, что ты отталкиваешь хорошего мужчину, потому что у тебя «нет времени». Ты всё ещё думаешь о Тимуре. Он давно не с тобой, но в твоём сердце до сих пор есть пустота, которую он занимал. И сегодня этот человек материализовался. – Зоя положила руки мне на плечи, заставила повернуться. – Тебе страшно. Потому что ты всё ещё его любишь. И ненавидишь. И боишься, что если начнёшь разбираться, эта любовь снова тебя сожрёт.

Её слова попали в самую точку. Они разорвали тонкую плёнку самообмана, и я снова почувствовала ту самую, старую, дурацкую, незаживающую боль где-то под рёбрами. Ту, что просыпалась по ночам, когда Аня спрашивала: «Мама, а где мой папа? Он красивый?».

– Я не люблю его, – прошептала я, но в голосе уже не было прежней стали, только изнеможение.

– Не ври мне. И главное – не ври себе, – Зоя обняла меня. – Тебе нужно поговорить с ним. Выслушать. Не для примирения. Для ясности. Чтобы закрыть эту главу наконец. Или... – она замолчала, давая мне додумать самой.

Или открыть её заново. Со всеми рисками, болью и возможностью нового предательства.

Мой телефон на столе завибрировал. Неизвестный номер. Но я знала. Я чувствовала это кожей. Это был он.

Я посмотрела на экран, потом на Зою. Её взгляд говорил: «Решай сама. Но прятаться теперь бесполезно».

Сердце бешено колотилось, сдавливая горло. Я сделала глубокий вдох. И провела пальцем по экрану, принимая вызов. Мой голос прозвучал тихо, но уже без той ледяной стены:

– Алло?

10.

От лица Тимура

Ледяной воздух так и не проник внутрь. Я сидел за рулем, но пальцы не чувствовали кожу руля, глаза не различали светофоры. Передо мной стояла она. Лера.

Живая.

С тем же взглядом – только теперь в нем не было любви, а был вызов, ненависть и... страх. И эта девочка. Моя кровь, смотрящая на меня ее глазами.

«Я замужем».

Эти слова отозвались в висках тупой, яростной болью. Ложь. Это была ложь. Я знал. Чувствовал по тому, как дрогнул ее голос, как она отвела глаза в последний миг. Но эта ложь была страшнее любой правды. Она построила стену. И за этой стеной жила моя дочь.

Я не помнил, как доехал до офиса. Головной офис Барсовых, стеклянная башня, символ всего, что я построил и что рухнуло в один день пять лет назад.

Я вошел в свой кабинет, и привычная тишина пространства взорвалась грохотом мыслей.

Я нажал кнопку селектора.

– Анна, ко мне. Быстро. И пусть зайдут все, кто свободен из отдела безопасности и аналитики.

Голос прозвучал хрипло. Через три минуты в кабинете стояли пять человек. Они видели мое лицо и замерли, понимая – дело не в бизнесе.

– Есть задача, – начал я, глядя в окно на серый город. – Валерия Барсова. Моя бывшая жена. Считалась... погибшей в аварии. Сегодня я ее видел. Живую. Она вернулась в город. Только не знаю когда. У нее есть дочь, примерно четырех лет. Предположительно моя. Мне нужна вся информация. Где живет. Чем занимается. Подробности. И номер ее текущего телефона.

– Будет сделано, Тимур Александрович. Когда нужно?

– Вчера, – рявкнул я.

– Есть, – коротко кивнул начальник службы безопасности, Игорь, человек с каменным лицом и абсолютной эффективностью. – Начнем с соцсетей, регистраций, банковских карт. Если она ведет легальную жизнь, мы найдем ее за несколько часов.

– Арсений Барсов, – перевёл я взгляд на другого сотрудника. – Мой брат. Свяжитесь с ним. Скажите, что мне срочно нужно с ним поговорить. Очень срочно. И Нина, моя бывшая помощница. Найти ее. Она должна знать что-то о том дне.

Они вышли, и кабинет снова погрузился в тишину, но теперь она была заряжена энергией беззвучной работы. Я слышал за дверью сдержанные голоса, стук клавиатур. Мир за стеклом казался чужим и нереальным.

Я достал телефон. Людмила. Жена.

Вернее, женщина, которая пять лет играла эту роль. Которая шептала мне в больнице о смерти Леры. Которая знала все. Я набрал ее номер. Долгие гудки. Потом – голосовая почта. Её слащавый, подобранный голос:

«Вы дозвонились до Людмилы Барсовой, оставьте сообщение...»

Я сбросил. Набрал снова. И снова. Без ответа. Она пряталась. Чуяла, что ветер переменялся. Ярость, холодная и концентрированная, поднялась комом в горле. Она украла у меня пять лет с дочерью.

На столе зазвонил стационарный. Это был Игорь.

– Тимур Аркадьевич, предварительные данные. Валерия Барсова зарегистрирована как ИП. Владелец сети цветочных магазинов «Флориссима». Три точки в городе. Прописана по

адресу... – он назвал престижный район. – Предварительный анализ кредитной истории говорит об успешном бизнесе. Телефон. – Он продиктовал номер. Не тот, старый. Новый. Ключ к ней.

– Спасибо, – голос сорвался. – Продолжайте. Мне нужно все. Вплоть до расписания ее дня.

Я положил трубку и уставился на цифры, выведенные на листке блокнота. Всего десять цифр. Между мной и правдой – десять цифр.

Рука сама потянулась к телефону. Я набрал. Сердце билось где-то в горле, тяжело и гулко. Гудок. Один. Два.

И – щелчок. Тишина. Потом ее голос. Тихий, без прежней ледяной брони, но и без тепла.

– Алло?

Одно слово.

И в нем – вся пропасть между нами. Пять лет. Ложь о смерти. Наша дочь.

Я замер.

Весь гнев, вся ярость, вся боль смешались в один клубок, который не давал выговорить ни звука. Я видел перед глазами, как она стоит у машины, прижимая к себе девочку. Как говорит «моя дочь». Как лжет о муже.

– Лера, – наконец выдавил я. Имя обожгло губы. – Это я.

В трубке повисло молчание. Я слышал ее тихое, неровное дыхание.

– Ты должен оставить нас в покое, – сказала она, и в голосе снова появились стальные нотки. Но теперь я слышал за ними слабинку. Страх.

– Нет, – мой ответ был простым и окончательным. – Это невозможно. У нас есть дочь.

– У меня есть дочь! – она повысила голос, и в нем затрепетала отчаянная, животная защита. – Ты не имеешь на нее никаких прав! Ты даже не...

– Я даже не что? – перебил я, и голос мой понизился до опасного шепота. – Не пришел в суд? Ты думаешь, у меня был выбор? Ты думаешь, я просто взял и отпустил тебя? Ты, черт возьми, даже не дала мне шанса объясниться тогда! Ты просто украла у меня пять лет нашей жизни! И пять лет жизни моей дочери!

Я кричал. Не в трубку, а в ту пустоту, что разделяла нас. В ту пустоту, которую создали ложь и чье-то чужое предательство.

Она молчала. И в этой тишине я услышал то, чего боялся больше всего – тихий, сдавленный всхлип. Она плакала.

– Лера... – я попытался сбросить напряжение, смягчить голос, но он все равно звучал как натянутая струна. – Мы должны встретиться. Поговорить. Только мы. Без... без твоего мужа. – Я с силой вытолкнул это слово, чувствуя его фальшь на языке.

Она снова замолчала. Казалось, прошла вечность.

– Хорошо, – наконец прошептала она так тихо, что я едва расслышал. – Только я. И только поговорить. Завтра. В кафе «Времена года». В полдень.

– Я буду там, – сказал я.

– И, Тимур... – ее голос дрогнул. – Если ты попытаешься что-то сделать... забрать ее... я... я исчезну навсегда. И на этот раз ты нас не найдешь.

11.

От лица Тимура

– И, Тимур... – ее голос дрогнул. – Если ты попытаешься что-то сделать... забрать ее... я... я исчезну навсегда. И на этот раз ты нас не найдешь.

Щелчок. Она положила трубку.

Я сидел, сжимая в руке телефон, пока костяшки пальцев не побелели. Она боялась. Но согласилась. Это был шанс. Единственный.

Дверь кабинета тихо открылась. Вошел Игорь. В его руках была тонкая папка.

– Тимур Аркадьевич. Мы нашли кое-что еще. По делу о вашей аварии пять лет назад. И по вашему брату, Арсению. Есть... несоответствия. В показаниях. И один интересный факт. В день, когда исчезла Валерия Барсова, в вашем кабинете, согласно журналу пропусков, кроме вас и Нины, был зафиксирован еще один человек. Ваш брат. Он зашел за час до ее прихода и... не выходил до вечера.

Я медленно поднял на него взгляд. Мир, который только что сжался до хрупкого согласия на встречу, снова затрещал по швам.

– Что вы хотите сказать, Игорь?

Он положил папку передо мной.

– Я говорю, что, возможно, мы искали не там. И пять лет назад, обманули вас не один раз.

Мир в кабинете сузился до стола, папки и ледяного понимания, медленно ползущего по жилам. Арсений. Мой брат-близнец, которого я с детства привык считать своей тенью, вечным соперником, но все же – своим. Согласно этим сухим строчкам журнала, он был в моем кабинете в тот день. Весь тот проклятый день, он был здесь... вместо меня.

— Где он сейчас? – спросил я у Игоря, и мой голос прозвучал чужим и отстраненным.

— В офисе не появлялся с утра. Его личный телефон не отвечает.

— Найдите его. Сейчас же.

Но искать не пришлось. Через пятнадцать минут лифт мягко динькнул, и по коридору раздались быстрые, уверенные шаги, которые я узнал бы из тысячи. Дверь распахнулась без стука.

Арсений стоял на пороге, снимая с плеч дорогое пальто цвета мокрого асфальта. Его лицо, зеркальное отражение моего, было безмятежным. Только в уголках глаз пряталась знакомая мне, едва уловимая искорка насмешки, легкого азарта.

— Брат! Анна сказала, ты в истерике и срочно меня ищешь. Случилось что? — Он вошел, небрежно бросил пальто на кресло для гостей и опустился в него напротив меня, развалившись с видом человека, зашедшего на дружеский чай.

Я не отвечал.

Я просто смотрел на него.

Смотрел и пытался пробиться сквозь завесу времени к тому дню... пять лет назад. Картинки всплывали обрывками:

Я уезжал утром, у меня была важная встреча на другом конце города.

Арсений, заглянувший ко мне на пять минут...

– Тимур, ты не видел мой планшет? Кажется, я забыл его тут вчера.

И он пошел в мой кабинет. А я спешил и мне было не до планшета.

– Посмотри в моем кабинете, только потом закрой за собой дверь.

– Угу, – донесся голос брата мне вслед.

— Арсений, – начал я, держа голос под контролем. – Пятого ноября, пять лет назад. Ты был в моем кабинете. Весь день.

Он поднял брови в театральном удивлении.

— Пять лет назад? Тимур, я едва помню, что было на прошлой неделе. А ты говоришь о каком-то конкретном дне. Мог быть, а мог и не быть. По-моему, я довольно часто бывал в твоём кабинете, пока ты не превратил его в святилище.

— Валерия приехала ко мне в тот день, – продолжил я, не отрывая от него взгляда. – И увидела что-то. Что-то, из-за чего она сбежала, забеременевшая моим ребенком, и исчезла на пять лет.

Странная тень скользнула по его лицу. Быстро, почти неуловимо. Но я поймал ее.

— Валерия? – Он сделал вид, что задумался и почесал лоб. – Ах, да, твоя бывшая. И что? Она была тут? Может быть. Ну, видела что-то... А потом свалила? И что с того? При чем тут я-то?

Его наглость, его игра в неведение были отточены, как клинок. Он наслаждался этим. Всегда наслаждался, когда оказывался на шаг впереди, когда знал то, чего не знал я.

— В тот день в кабинете была и... Нина, – сказал я, уже не скрывая давления в голосе. – И был мужчина. Валерия приняла его за меня.

Арсений на секунду завис, а потом медленно, с явным недоумением, развел руками.

— Тим, ты о чем? Это уже звучит как сценарий дешевого сериала. Ты что, думаешь, это был я? И что, я надел твою маску и изображал тебя? – Он рассмеялся, но смех был сухим, фальшивым. – Зачем мне это? У меня своих женщин хватало. И хватает.

Я встал, опершись ладонями о стол, нависая над ним.

— Журнал пропусков говорит, что ты вошел и не вышел. До самого вечера. Где была Нина?

— Нина? А кто это? Ааа, твоя секретарша, – он пожал плечами. – Уволилась вскоре после твоей аварии, кажется. Уехала, может под мостом загнулась... я в душе не ебу.

Твоя бывшая что-то там увидела, испугалась и сбежала. Обидно, конечно, особенно из-за ребенка... но это, брат, твои проблемы. Не надо их на меня вешать.

Его слова звучали гладко, как галька на пляже. Но в них не было ни тепла, ни раскаяния, ни даже простого участия. Он как будто отгородился стеной полного равнодушия.

И тут, когда я посмотрел ему в глаза – такие же, как у меня, но при этом совершенно чужие, – меня осенило. Яркая вспышка, не картинка, а ощущение. Я вдруг почувствовал жгучую ревность, но не к нему, а за него. Вспомнил, как он смотрел на Леру на наших общих вечерах. Как отпускал двусмысленные шутки. И как однажды, пьяный, пробормотал: «Тебе всегда все самое лучшее достается, братец. Вон какую жену себе отхватил».

— Ты... ты сделал это назло, – вырвалось у меня. Голос был тихим, но в нем бушевала буря. – Чтобы отнять ее у меня. Чтобы испортить. Ты знал, что она может приехать. Ты все подстроил.

Арсений смотрел на меня несколько секунд, и его маска наконец дрогнула. Насмешка в глазах сменилась холодной, звериной усмешкой. Но признаваться он не собирался.

— Ох, Тимур, Тимур, ну ты даешь, – он покачал головой и встал. – Сначала жену потерял, потом нашел, и тут же паранойя поперла. Брата уже врагом считаешь. Тебе к психотерапевту надо, а не детективов нанимать. – Он взял пальто. – Ну, если всё, то я пошел. У меня еще дела.

— Это не конец, – сказал я ему вслед, когда он уже был в дверях. – Я найду Нину. Я найду правду. И когда я ее получу...

Брат обернулся на пороге. Его лицо снова было гладким и безразличным.

— Желаю удачи, брат. Только осторожнее с этой правдой. Иногда она бывает очень... очень... болезненной. Особенно для тех, кто так отчаянно ее ищет.

12.

Рулевое колесо было холодным под пальцами, но эта физическая прохлада не могла погасить внутренний пожар. Я ехала в свой главный магазин на центральной улице, но город за окном проплывал мимо меня, как декорации чужого сна. Все, что я видела, — его лицо. Тимура. Вблизи, спустя пять лет.

«Я замужем».

Господи, какая же я идиотка. Какая жалкая, трусливая идиотка. Эта ложь повисла между нами таким хрупким, прозрачным щитом, который он наверняка видел насквозь. Но он не стал настаивать.

Он просто... позвонил. И его голос. Этот голос, который раньше заставлял меня таять, теперь вонзился острыми осколками в самое сердце. В нем была не только ярость. Была боль. Настоящая, глубокая, идущая из того самого места, откуда когда-то рождалась наша любовь.

Я припарковалась у знакомого фасада «Флориссимы», но не вышла. Прижала лоб к рулю. И дала волю воспоминаниям. Не тем, что преследовали меня все эти годы – не предательству, не боли ухода. А одному-единственному, яркому, как вспышка.

... была поздняя весна.

Мы сбежали на выходные в старый загородный дом его деда. Дом пах древесиной, яблоками и свободой. Тимур, вопреки своему всегдашнему деловому виду, в простых джинсах и футболке, пытался разжечь мангал и устроил такое задымление, что мы оба катались по траве от смеха, давясь и вытирая слезы.

— Ты же мастер своего дела, а мангал тебе не покорился! — смеялась я, убирая угольки из его волос.

Он поймал мою руку, притянул к себе, и смех прекратился. Его взгляд был таким серьезным, глубоким, что у меня перехватило дыхание.

— Знаешь, что меня покорило? — тихо спросил он, проводя большим пальцем по моей ладони. — Ты. С первой секунды, когда я увидел тебя за тем дурацким окном в детдоме. Ты навсегда завладела моим сердцем, Лер. И я не сдамся, пока не перестану дышать.

Потом был ужин под звездами, тепло его плеча под моей щекой, его тихий голос, рассказывающий о том, как он хочет, чтобы у нас было трое детей, чтобы этот дом наполнился их криками и смехом. Я чувствовала себя самым защищенным, самым любимым существом во вселенной. Это был пик. Самая высокая точка нашего счастья, с которой мы потом рухнули в бездну.

Из этого теплого, щемящего прошлого меня выдернул резкий, настойчивый звонок телефона. Я вздрогнула, оторвав лоб от руля. Не Тимур. На экране светилось имя: «Вячеслав».

Я сделала глубокий, выравнивающий вдох, пытаюсь вернуть голосу привычную деловую ровность.

– Привет, Слав.

– Лера, здравствуй, – его бархатный, спокойный голос всегда действовал на меня умиротворяюще. – Не помешаю? Я как раз в твоём городе завтра буду, по делам клиники. И подумал... если ты свободна вечером, может быть поужинаем? В том итальянском ресторане который все хвалят.

Мое сердце, еще не успевшее замедлить бег после разговора с Тимуром, снова беспомощно ёкнуло.

Завтра.

В полдень – встреча с призраком прошлого, от которого зависит будущее моей дочери. А вечером – ужин с человеком, который олицетворял собой тихую, безопасную гавань. Резкий контраст, от которого закружилась голова.

– Завтра вечером? – переспросила я, чтобы выиграть секунду и подумать.

– Да. Я понимаю, что времени мало, но... я очень надеялся. Мы так редко видимся.

В его голосе сквозила та самая надежда, которую я уже пять лет осторожно, но методично гасила.

«У меня дочь и бизнес».

Удобный щит. И он снова дал трещину. Потому что завтра, после разговора с Тимуром, этот щит может разлететься вдребезги. Что тогда? Бежать в безопасность к Вячеславу? Спрятаться за его широкой, надежной спиной и безупречными манерами?

Но это было бы новой ложью.

И по отношению к нему, и по отношению к себе.

Слова Зои эхом отдалась в памяти: «Ты всё ещё думаешь о Тимуре. Он давно не с тобой, но в твоём сердце до сих пор есть пустота, которую он занимал. И вот сегодня этот человек снова появился».

Я закрыла глаза.

– Хорошо, Слава, – сказала я, и голос мой звучал устало, но решительно. – Давай встретимся. В семь вечера?

– Семь – идеально! – в его голосе прозвучала неподдельная радость. – Я бронирую столик. До завтра, Лера.

Я положила трубку и долго сидела в тишине машины.

Завтрашний день маячил передо мной как развилка.

Утром – детский сад и мысли о встрече.

В полдень – Тимур и разговор, от которого сжимается желудок.

Вечером – Вячеслав и его взгляд, полный ожиданий.

И над всем этим – образ Ани, моего солнышка, чье спокойное детство теперь висело на волоске. Я чувствовала, как на меня надвигается буря. И мне нужно было решить, буду ли я прятаться от нее или встречу лицом к лицу?

Хорошие мои, хочу пригласить вас в одну новинку нашего Литмоба!

Развод. Драмы больше нет

<https://litnet.com/shrt/g-Un>

13.

Я стояла у калитки детского сада, вцепившись в холодное железо. Внутри был слышен шумный, счастливый гомон — день подходил к концу. Когда наконец распахнулась дверь и оттуда, как маленький мотылек в ярко-розовой пуховой куртке, выпорхнула Аня, мир снова обрел хоть какую-то ось. Она бросилась ко мне, обвила мои ноги.

— Мамочка!

Это простое слово растворило часть ледяной тяжести в груди. Я прижала ее к себе, вдыхая знакомый запах детского шампуня и яблоч из компота. Но сердце все еще бешено колотилось. Аня отстранилась и посмотрела на меня большими, ясными глазами.

— Мам, а кто тот дядя, с которым ты ругалась утром? Он кричал. Он злой?

Вопрос ударил прямо в солнечное сплетение. Я поправила ей шапочку, чтобы выиграть секунду.

— Не ругались, солнышко. Просто... разговаривали громко. Он... он расстроился. Он не злой. Просто... — Я запнулась, не зная, что сказать. Как объяснить маленькому ребенку, что этот «злой дядя» мог бы быть ее папой?

— А почему он на тебя смотрел так, как будто хочет плакать? — не унималась Аня с проницательностью, не по годам.

— Он... давно меня не видел. Соскучился, — выдохнула я самую безопасную часть правды. — Пойдем домой, замерзла уже, наверное.

Дома мы включили ее любимые мультики, укутались в один теплый плед и кушали домашнее печенье. Я перебирала ее мягкие волосы, а сама не видела экрана. Перед глазами стояло другое лицо.

“Он смотрел так, как будто хочет плакать.”

И Аня это заметила. Дети чувствуют фальшь, но чувствуют и настоящую, голую боль.

Когда Аня наконец уснула, прижимая к себе плюшевого зайца, я осторожно высвободилась.

Тишина квартиры, обычно такая уютная, в этот вечер давила. Мысли, которые я пыталась заглушить днем, набросились с новой силой. Слова Тимура, которые словно набатом били внутри меня.

«Не пришел в суд? Ты думаешь, у меня был выбор? Ты думаешь, я просто взял и отпустил тебя? Ты, черт возьми, даже не дала мне шанса объясниться тогда! Ты просто украла у меня пять лет нашей жизни! И пять лет жизни моей дочери!»

Арсений.

Эта коробка от белья, красная лента. Нина, помощница моего мужа.

«Тимур не приходил в суд, — Зоя говорила медленно, взвешивая слова. — Это факт. Значит, он принял твой уход. Или... с ним что-то случилось.», — сказала Зоя.

А что, если правда не в том, что он предал, а в том, что его предали?

Что, если я в своей боли и отчаянии совершила ужасную ошибку? Я не только забрала себя у него, но и лишила его права знать свою дочь.

От этих мыслей стало нечем дышать. Мне нужны были факты. Хоть какие-то зацепки. Я не могла больше полагаться на память, искаженную шоком и годами. Я открыла ноутбук.

В поисковой строке я набрала: «Тимур Барсов».

Выдало несколько ссылок на старые деловые статьи — открытие торгового центра три года назад, благотворительный вечер пять лет назад. Ничего свежего. Как будто его публичная жизнь замерла. Я добавила в запрос слово «авария».

На первой странице результатов мелькнула короткая заметка из городской новостной ленты шестилетней давности.

Заголовок: «На трассе под городом серьезно пострадал в ДТП известный бизнесмен». В тексте ни фамилий, ни подробностей, только сухие строки о тяжелом состоянии водителя иномарки и вызове вертолета санавиации. Дата — через неделю после того, как я уехала.

Ледяные мурашки пробежали по спине. Я обхватила себя руками.

Потом вбила: «Арсений Барсов новости».

Здесь информация лилась рекой. Артём, в отличие от брата, не выпадал из светской хроники. Открытие галереи, фотографии с вернисажей, интервью о современном искусстве. Я листала снимки. На одном из них, сделанном полгода назад, он стоял, обняв за талию стройную брюнетку.

Подпись: «Арсений Барсов и его новая пассия, модель Элина». И хотя лицо девушки было повернуто вполоборота, во мне что-то екнуло. Прическа, манера держать голову... Я увеличила изображение. Этого не могло быть. И все же... черты, размытые плохим качеством репортажного снимка, ужасно напоминали Нину. Ту самую Нину, его бывшую помощницу.

Мир вокруг поплыл.

Я закрыла глаза, пытаясь собрать в голове разрозненные кусочки пазла. Арсений в кабинете в тот день. Его вечная, скрытая ревность к брату. Его флирт со мной, который я всегда игнорировала. Нина, смотрящая на него влюбленными глазами. И та коробка с бельем на ее столе. Красная лента на щиколотке.

В голове что-то щелкнуло, выстроившись в чудовищную, отвратительную картину.

Не Тимур. Это был не мой Тимур. Это был...

Я рванулась к сумке, с трудом нашла на дне телефон. Открыла телефонную книгу. Последний принятый телефонный номер. Незнакомый. Мои пальцы дрожали, набирая цифры. Гудки. Два. Три.

— Алло? — Его голос, усталый и настороженный.

— Тимур, это я, — выпалила я, не давая себе передумать. Слезы душили горло, голос срывался. — Мне... мне нужно увидеться. Сейчас. Не завтра. Прямо сейчас. Я... я кое-что поняла.

14.

Мы договорились встретиться в одном небольшом кафе в центре. Оно работало круглосуточно и там всегда делали просто обалденный эспрессо.

Бариста, мой хороший знакомый заказывал через свои связи зерна кофе мне прямо из сердца Колумбии. Я ему была за это благодарна, настолько что постоянно к нему приводила новых клиентов.

В общем, у нас был свой бизнес, в котором мы были очень хорошими партнерами.

В этом милом месте всегда пахло свежемолотым кофе и тут играл тихий джаз.

Именно здесь, я и должна была встретиться с мужчиной, которого не видела пять долгих лет.

Я вошла в кафе, и холодный воздух с улицы ворвался вслед за мной. Тимур сидел за угловым столиком, спиной к стене. Увидев меня, он встал. В его глазах вспыхнули страх и надежда. Я подошла, сбросила с плеч пальто, и мы просто смотрели друг на друга несколько секунд, все ещё не веря, что это все происходит по-настоящему.

— Кофе? — он спросил хрипло, указывая на стойку.

Я покачала головой. «Спасибо». Горло было сжато так, что глоток воды казался подвигом.

Мы сели. Стол был маленьким, наши колени почти соприкасались в тесноте. Я чувствовала его тепло. Оно было таким знакомым и таким чужим одновременно. Первой заговорила я. Слова вырывались сами, спутанные, горячие.

— Я искала. В интернете. Про аварию и нашла заметку... дату.

— На следующий день после того, как я получил повестку, — тихо сказал он, не отрывая от меня взгляда. — Я мчался к твоей подруге, к Зое. Я думал, она знает. Я ничего не видел, только дождь и фары фуры.

Я сглотнула ком в горле. Представила его — разбитого, беспомощного в какой-то больнице, в то время как я уже покупала пеленки для нашей дочери, проклиная его.

— А потом... потом наступила пустота. А когда я что-то вспомнил... мне сказали, что ты мертва. Людмила. Твоя... подруга из детдома. Она была рядом, когда я очнулся.

Я зажмурилась. Людмила Дубова. Вечная завистливая тень с безобидной улыбкой.

— Она всегда на тебя смотрела, как на недостижимую мечту, — прошептала я.

— А я смотрел только на тебя, — его слова прозвучали без пафоса, как неоспоримый факт. — С самого первого дня, как только увидел.

— Тимур, — я перевела дух, готовая выложить свою страшную догадку. — В тот день в кабинете. Красная лента. Нина. Ты сказал, что Арсений был там.

Он кивнул, лицо его окаменело.

— Да был. И сегодня, когда я с ним разговаривал, мой брат глядя в глаза лгал мне в лицо. Но у меня нет доказательств. Нина исчезла. А он... — Тимур с силой провел рукой по лицу. — Он мой брат. Как я могу...

— Посмотри, — перебила я его, открывая на телефоне сохраненное фото. Тот самый снимок из светской хроники. Я положила телефон на стол между нами. — Это... это Нина?

Он взял аппарат в руки, взгляделся. Пальцы его сжались так, что костяшки побелели. Цвет лица стал землистым. В его глазах отразилось сначала непонимание, потом медленное, ужасающее осознание. Связь. Арсений и Нина. Не как босс и подчиненная. А как сообщники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.